

Н. РЫБИНСКИЙ

Духовный меч

(Памяти И. А. Ильина)

Последние годы он очень болел, и вот сообщение в хронике, что в Швейцарии скончался профессор Иван Александрович Ильин.

Эти несколько строк, конечно, никак не претендуют дать характеристику ушедшего как ученого и как политического деятеля — сейчас в памяти всплыли встречи с этим ярким человеком, ученая карьера которого началась не совсем обычно. Он так блестяще защищал в Московском университете магистерскую диссертацию, что факультет дал ему звание доктора.

В 1922 г. И. А. Ильин был выслан из СССР в большой группе ученых и общественных деятелей. Первые годы эмиграции он работал в Берлине, а с приходом к власти Гитлера переселился в Цюрих. Наряду с научной работой И. А. Ильин нес большую общественную нагрузку: писал много книг по общественно-социальным вопросам. В разных местах русского рассеяния читал публичные лекции, собиравшие многочисленную аудиторию.

Я познакомился и скоро подружился с И. А. Ильиным в Югославии. Это было в тот период, когда там в расцвете была так называемая «Русская акция» через учрежденный русско-сербский «Культурный отбор» (Комитет) и правительство оказывало всяческую поддержку русским литераторам и ученым. Русский научный институт в Белграде приглашал для чтения лекций виднейших русских ученых. Кроме акад<емика> П. Б. Струве, имевшего постоянную кафедру, приезжали А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин¹, С. Л. Франк и много др. Оплачивалась дорога и полагалось жалованье в 6000 динар, по тем временам очень приличная сумма, что являлось материальной поддержкой.

Приглашение И. А. Ильина явилось крупным событием, так как к этому времени он уже был широко известен в эмиграции, как яркий антибольшевик и идеолог русской государственности... Роясь в воспоминаниях, я умышленно нарушаю хронологический порядок и делаю прыжок к первым годам эмиграции.

Кончилась Гражданская война. Мы с остатками армии ген<е>рала П. Н. Врангеля, после лагерей в Галлиполи и на Лемносе², попали в Европу и очутились буквально среди потухших маяков. Россия была зачеркнута и переименована в СССР, во главе которого стояло какое-то неведомое образование. Гражданская война окончена, ряд видных политических деятелей звал к скорейшему «засыпанию рва», вырытого Гражданской войной. О возврате к монархии, если не считать съезда в Рейхенгале³, даже не говорилось. А когда вел<икий> князь Кирилл Владимирович объявил себя сначала местоблюстителем престола, а потом и императором, и ждал, что его поддержат кадры белых воинов, — то ген<ерал> Врангель заявил, что он скорее сожжет свои знамена, чем передаст их монархистам, хотя сам считал себя монархистом. Происходило это оттого, что непоколебима была у всех призрачная вера в «волю народа», которая может быть выявлена только через Учредительное собрание... Теперь это кажется наивным, но в то время в это свято верили.

Но жить одним ожиданием (без уверенности, что не найдется новый матрос Железняк, чтобы его разогнать⁴) нельзя было: требовалось свою идеологию противопоставить идеологии большевистской. И вот появилась целая плеяда талантливых и ярких творцов белой идеологии: П. Б. Струве, мой незабвенный друг проф. В. Х. Давац⁵ и ряд других. Самой яркой фигурой среди них был, конечно, И. А. Ильин... Его энергия была неистожима: он работал в парижском «Возрождении», редактором которого был тогда П. Б. Струве, с которым И. А. Ильин заключил соглашение о печатании своих «автономных» статей, не всегда совпадающих с мнением редактора, работал в ряде других журналов, издавал брошюры... Духовным мечом (пером и словом) И. А. Ильин не только владел в совершенстве, но, как настоящий, большой мастер своего дела, с исключительной тщательностью отделял свои произведения.

Как оратор он всегда захватывал аудиторию, но в его лекциях никогда не было ни одного слова импровизации. Высокий, лысый, с острой бородкой, стоя за кафедрой, он окидывал взглядом аудиторию, и казалось, что не читает он, а плавно и увлекательно говорит. На самом же деле перед ним лежала ру-

копись, которую уместно назвать партитурой, — вся испещренная его пометками; жест, знак, повышения тона, понижения. Пауза. Все до последней точки продумано, прорепетировано, отшлифовано...

За время пребывания И. А. Ильина в Белграде мы встречались ежедневно. В частной жизни это был очень интересный, высококультурный человек, большой знаток музыки, связанный личной дружбой с С. В. Рахманиновым⁶, о котором он рассказывал много интересного. Владение духовным мечом связало его дружбой с архиепископом Иоанном Рижским⁷, который уговаривал И. А. Ильина принять духовный сан, чтобы с церковной кафедры бороться с охватывающим мир материализмом.

Крупный ученый, философ, И. А. Ильин был очень живой и увлекательный собеседник, темпераментный, остроумный. Он очень тяжело переживал церковную смуту в Русском зарубежье и набросал очень злую сатиру, которую подарил мне, взяв с меня слово, что она не будет опубликована в печати. Стихотворение это погибло со всем моим архивом во время бомбардировки немцами Белграда в 1941 г.

